

STORY

МАРТ '18
№3 (110)
ОБЫКНОВЕННЫЕ
СУДЬБЫ
НЕОБЫКНОВЕННЫХ
ЛЮДЕЙ
[STORY]

Александр Ширвиндт: «Сейчас полчаса не шутишь – могут забыть»

Александр Ширвиндт

О незаметно подкравшемся возрасте счастья – старости

Иисус Христос

*Почему 2000 лет он не
ждёт покоя писателям?*

Идолы XX века

*Куда подевались типажи,
которым хочется подражать?*

Юрий Дудь

*«Говорящая с матом
голова» или новое слово?*

ВЫДАНО-Г.А.ОБЪЕКТ

Москва, Мясницкая 6/3 стр.1 Тел.: (8492) 781-000
<http://www.abydos-rolnaki.ru> 8(495) 781-022

ЭЛ №ФС008831133425

Журнал Story. Март 2018

Цена: 99,00

КТК:

Содержание

4 Переписка. Письма читателей

◎ ГЛАВА 1. Кто, где, когда

6 Коварный месяц

В этом месяце фабрика «Красный Октябрь» обрела детское «лицо», зрители стремительно беднеющей России прилипли к телеэкранам, пытаюсь понять, отчего плачут богатые, а в результате превратностей любви родился журнал *Burda Moden*

10 Однажды...

Ирина Богушевская обнаружила, что воздушный шар обладает способностью излечивать людей, а академик Лев Зелёный твёрдо ответил на вопрос, есть ли жизнь на Марсе

14 Толковый словарь... Ивана Охлобыстина

18 Четвёртое дыхание. Дмитрий Воденников

Подключение к Сети

20 Линия отрыва. Вера Павлова

Жёлтый ключик

◎ ГЛАВА 2. Личное дело

22 Обстоятельства жизни. Чистый сердцем Дживан

Великому исполнителю Дживану Гаспаряну скоро 90 лет. Где он только не гастролировал со своим дудуком. Кто его только не слушал – и Сталин, и Джон Кеннеди, и вся королевская рать. А живёт он так долго, потому что совесть его чиста. А совесть его почему чиста?

30 Чудные люди. Революционер из Женевы

Служил себе Жан-Жак Кислинг почтальоном, а потом пустился во все тяжкие – на Тибете сушёными лепёшками питался, дружил с растаманами. С чего такая перемена участи?

34 Отпечатки. Между небом и землёй

Александр Ширвиндт делится жизненными правилами: как лежать в ногу со временем и дифференцировать уровень катастроф. А его сын Михаил опровергает сказанное папой

◎ ГЛАВА 3. Отгадки

54 Благословие. Поймать пересмешника

В этой рубрике речь пойдёт о блогерах. О тех, кого смотрят и читают миллионы, хотя, казалось бы, ничего такой славы не предвещало. Юрий Дудь, например, делает интервью со знаменитостями в формате «говорящие головы». И формат уже надоел, и знаменитости, а ведь смотрят. Неужели дело в Дуде? И что нужно совершить, чтобы стать блогером-миллионником?

60 Версия. Христос без Христа

Вышла в печать автобиография Иисуса Христа. Что в очередной раз доказывает, что литераторы со Спасителем на короткой ноге и версии его жизни продолжают плодиться в промышленном масштабе. Почему история Христа цепляет, как голливудский боевик?

72 История утопий. Утопия Латинского квартала

Что объединяет творческое сообщество бедняков, прославивших Париж 1910-х годов? Модильяни, Сутина, Хемингуэй, Джойса? Не манифесты, не протесты, тогда что?

◎ ГЛАВА 4. Опыты любви

84 Индикатор счастья. Курица счастья Кабакова

Писатель Кабаков не согласен с Пушкиным. Он полагает, что на «свете счастья нет» – это верно, но вторую часть «но есть покой и воля» следует заменить. А чем заменить отсутствующее счастье? Ответ у писателя есть...

92 Частная жизнь. Хороший пластилин

Анна Каменкова – сирота, сорви-голова, вся в комплексах с детства. Но она даже из бед лепила свою индивидуальность

104 Неформат. Странные деньги

История о том, как один отчаянный товарищ решил прибахраться в магазине «Берёзка» на доллары, подаренные бабушкой. Доллары были 1903 год выпуска... Что же из этого получилось?

◎ ГЛАВА 5. Люди & вещи

114 Деньги. Money, money, money

Давно ли деньги правят миром? Окончательно ли они поработили наш разум? Вопросов много, и на часть из них ответил экономист Руслан Гринберг. Именно с ним мы и начнём думать на эту всеобъемлющую тему в новой рубрике

120 Увлечения. Продавец воздуха

Сергей Волков строит бани с интересными свойствами. В его парной оживает и начинает бурлить мозг, а тело пускается в пляс. Что же это за пар, откуда его ну-хау?

126 Великие искусители. Теперь они наши

Куда исчезли манящие иконы Голливуда и неотразимые французенки кинофильмов «новой волны»? Пропали типажи, которые снимал фотограф-легенда Дуглас Киркланд. Почему их нет? Большие не рождаются? Отвечает Дмитрий Быков

144 Библиотека. Архивности

Революционер из Женевы

Жан-Жак Кислинг, швейцарский почтальон, фотограф и путешественник, покорял гималайские семитысячники в снежную бурю, очищал сознание, раскуривая с ямайскими растаманами трубку мира. А любовь нашёл в России. Как?

АЛИНА ТУКАЛЛО

— **Мой отец работал** почтальоном в Женеве в районе О-Вив. Он всегда насвистывал разные мелодии, и когда подходил к какому-нибудь дому, жители, услышав его, спускались за почтой.

В день моего шестнадцатилетия мать записала меня на экзамен в училище почтальонов в Лозанне, но меня не взяли из-за лёгкого заикания, последствия менингита. Отца уже не было в живых, и мать, рыдая в трубку, подключила его бывших коллег. Мне помогли — приняли в школу по обучению почтальонов в Женеве. Я был в прекрасной форме, пышущий здоровьем и молодостью, но осмотр у окулиста выявил сильную близорукость. Мать заказала очки, и, примерив их, я не поверил своим глазам — в одно мгновение мир изменился. Раньше я видел всё размытым, нерезким, а теперь цвета засияли так, будто небо упало на голову. Поражённый, я дал себе слово с первой же зарплаты купить фотоаппарат. И я его сдержал — это была старая модель Fujica с тремя объективами.

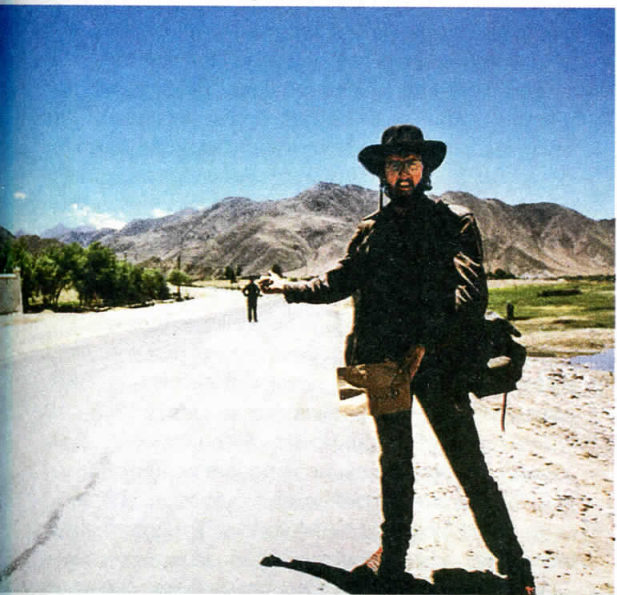
Мой первый учебный маршрут проходил в деревне Куантран, у Женевского аэропорта, с почтальоном-инструктором Фреди, большим оригиналом. С ним я начал понимать все тонкости моей будущей работы. В доме номер один на авеню Луи Касайи нет почтового ящика, поэтому мы оставляем наши мопеды, Фреди открывает незапертую дверь, и мы оказываемся на кухне. Там пусто, только стакан красного на столе. Фреди кладёт почту на стол и кричит: «Почтальон!» Приходит хозяйка и наполняет ещё два стакана, для себя и для меня. Вот так в 8.30 утра мы отмечаем доставку моего первого письма. Я ещё не успел позавтракать, мой желудок пуст, к тому же я никогда не пил спиртное, и у меня начинает кружиться голова. «Это в тебя входит профессия», — успокаивает меня Фреди.

Чуть позже мы едем завтракать в ресторан на той же улице, там половина посетителей ждут почту. Между двумя чашками кофе Фреди раздаёт письма, а клиенты чуть не дерутся за право оплатить счёт своему любимому почтальону. Приближаемся к участку с частными домами по дороге Жоанвиль — ещё несколько стаканчиков красного то тут, то там. Фреди объясняет, что не надо обижать клиентов, отказывая, — если почтальон счастлив, в районе всё будет хорошо. Когда я работал в деревнях виноградарей, мне при вручении бандероли частенько давали на дегустацию новый продукт. Ведь почтальоны не только письма развозят.

Учёбу я закончил блестяще — один наш товарищ украл формуляры с экзаменационными заданиями, так что наш выпуск оказался лучшим за многие годы. Дирекция предложила мне должность в отделе «без постоянного места» — если почтальон по каким-то причинам не мог выйти на службу, мне приходилось его замещать. Оплата была лучше, к тому же записывались часы переработки, которые потом щедро компенсировались. Идеальный вариант для того, кто хочет совмещать работу с путешествиями!

Тем, у кого нет постоянного маршрута, дирекция почтовых отделений иногда давала другие задания. Например, в сервисе Женева-Транзит — сюда поступают отправленные поездом или на корабле посылки со всего мира. Мы разгружали вагоны, наполненные экзотическими запахами. В каждой бандероли скрывался какой-нибудь сюрприз: засохшие в путешествии животные, испорченные продукты и другие удивительные вещи.

Я путешествовал практически каждый день и влюблялся в свою работу всё больше. Но однажды меня сбил грузовик. Последствием аварии был

очень болезненный перелом, две операции и три месяца больничного, зато шеф почтовой службы собственной персоной навестил меня в клинике и вручил мне от лица дирекции шариковую ручку.

Когда грузовик привозил в наш офис открытки, отправленные со всех концов света, я жадно разглядывал их, и меня тянуло увидеть эти чудесные страны. А когда я на мопеде «Кондор» развозил почту в двадцатиградусный мороз по обледенелым, заваленным снегом дорогам, подсовывая под куртку газету, чтобы не заколеть от холода, я понимал, что делаю это для того, чтобы скорее отправиться в новое путешествие. Развозя почту, я фотографировал деревенские виды и выставлял работы в зале нашего почтового отделения. Когда мне дали повышение и я стал маленьким начальником, я сразу сделал портреты-фотокопии всех сотрудников на первом же появившемся в офисе сканере. Для этого всего лишь надо было положить голову на стеклянную поверхность, закрыть глаза и нажать кнопку «пуск». Результат превзошёл все ожидания.

Чтобы занять молодых почтальонов, наша дирекция решила открыть Дом культуры. Мне предложили рассказать о своих путешествиях в зале, оснащённом широкоформатным экраном и микрофоном. И я показал слайд-шоу «Тибет. Встреча с затерянной страной». Зал на триста человек ломился, ко мне от волнения вернулось заикание, зато тибетское представительство в Женеве отправило мне благодарственное письмо, дирекция почты вручила похвальную грамоту, а газета «Ля Свисс» напечатала мой портрет.

Тибет

В Тибет я отправился в 86-м. Тогда только открыли границы, и я был там одним из первых туристов – при выезде из страны, на границе с Непалом, я был отмечен двадцатым иностранцем. Три недели я мотался в грузовиках с открытым кузовом автостопом – дождь, снег, ветер, холод, и всё это на высоте почти четыре тысячи метров. Иногда там, где были разрушены мосты, приходилось переходить горную речку вброд. А в другом месте один тибетец просто перекинул с одного берега на другой канат, так мы и перебирались. Тибетцы покупали старые автомобили, секунд-хенд, с изношенными амортизаторами, тормозить можно было только ручником. Дороги там узкие – двум машинам не разъехаться, старые, грунтовые, неровные, от дождей края осыпались в речку Тайман, бывали камнепады. Далеко не каждый грузовик, поднимающийся в Лхасу с товарами этим путём, добирался до цели, и я видел несколько аварий, одну машину утащило вниз селями. Наш караван из шести грузовиков, полных всякой контрабандой, спиртным и табаком, тащился со скоростью три километра в час. Вдруг перед нами появился

грузёный брёвнами грузовик, из него вышли двое китайцев и приказали нашему шоферу-тибетцу пропустить их, сдав назад. Все тибетцы вывалили из грузовиков и сделали вид, что не понимают по-китайски. Обстановка накалялась, китайцы уже вынули оружие, но всё же решили уступить (дорожное правило в горах – уступают тому, кто едет наверх) и начали сдавать назад. Я в это время прятался в кузове под одеялом, потому что хоть страну и открыли, но находиться на этой стратегически важной дороге иностранцам запрещалось. Прилететь в Лхасу самолётом – это да, без проблем. А тут я тоже был контрабандой. Пока китайские грузовики в течение трёх часов поднимались задним ходом наверх, тибетцы спорили на деньги, свалится китайцы со скалы или нет. Они не свалились: кто-то проиграл пари, а кто-то выиграл.

Три месяца в Тибете я питался сушёными лепёшками из пшеничной муки, замешанной на масле яка, с добавкой чая. Из-за того, что всё время ешь одно и то же, в небольшом количестве, ты перестаёшь думать о еде, освобождаешься от гнёта материи, и наступают лёгкость, просветление, появляется огромная внутренняя свобода. И ты понимаешь, что для счастья много не надо.

По Тибету я путешествовал с буддийским монахом. Это был американец, который учился в Корее, привёз оттуда портреты далай-ламы и всем раздавал, хотя они были запрещены. Однажды мы пошли с ним в горы по пути паломников: дорога шла от одного монастыря до другого, притом на высоте семь тысяч метров. Все тибетцы говорили, что это лёгкий маршрут, что мы справимся, так что мы отправились без проводника. Началась снежная буря. Ничего не видно – шли на ощупь, я упал и сломал ребро. В конце концов мы заблудились. К вечеру встретили группу из четырёх тибетцев – богатые китайцы заплатили им за то, чтобы они прошли за них этот путь и улучшили их карму. У них был чайник, чай и спички, а у нас сахар и порошковое молоко. Мы подружались, обменявшись продуктами. У нас на ночлег были только спальники, у них – вообще ничего, но они нас научили делать бортики и прятаться за ними от ветра. Если бы не эта встреча, мы бы наверняка погибли. Мы всё-таки дошли до нашей цели, но это был уже не монастырь, а руины – его полностью разрушили китайцы. Я сделал фотографию, и её купил у меня Тибетский центр в Нью-Йорке.

После поездки в Тибет у меня появился внутренний покой – со мной вообще невозможно стало поругаться или вывести из себя. У китайцев очень агрессивная энергия, но тибетцы этого просто не замечают. Это хороший пример того, как вести себя в конфликтах – не допускать их в свою жизнь. Я учился этому не только в Тибете, но и во всех других путешествиях, в том числе и на Ямайке.

Ямайка и обитель Боба Марли

В Кингстоне мы с девушкой поселились в деревне Сюрвивал (выбрал я её потому, что так назывался последний диск Боба Марли), в единственной гостинице, которая по совместительству оказалась борделем.

Я познакомился с местным почтальоном – иногда пропускал с ним по рюмочке-другой рома и беседовал о нашей работе. Оказывается, когда ливни размывают дороги, он не разносит письма по домам – просто идёт в школу и отдаёт их детям, а те – своим родителям. Я рассказал ему, что нам приходится работать в любую погоду – в дождь, снег, гололёд. Он никогда не видел снега, только по телевизору. Когда он спросил меня о зарплате, я был вынужден соврать – она наверняка была раз в пятьсот больше его.

Почтальон намекнул мне, чтобы я обязательно сходил на другую сторону пляжа. Когда мы там прогуливались, к нам подошёл парень и спросил, знаем ли мы Боба Марли. Я ответил утвердительно, и он попросил напеть что-нибудь. Я удачно прошёл экзамен, так что он позвал нас за собой. Мы пролезли через дыру в заборе и оказались на частной территории, в необыкновенном саду с камнями и пышной растительностью. Это была дача Боба Марли. Он, кстати, был растаманом, это эфиопская ветвь христианства, прижившаяся на Ямайке, а перед смертью крестился в православие. После его смерти владельцем этого домика оказалась его фирма звукозаписи, но из туристов мало кто знал про неё и редко кто заходил. Но нас там уже ждали. За пять долларов в день, символический вклад, который шёл на поддержание хозяйства, мы жили на даче Марли, но меня попросили никому не рассказывать, где она.

Вечерами на пляже крутили музыку. Дедушка-диджей ставил виниловые диски с калипсо, блюзом и регги, и вся деревня вытанцовывала до поздней ночи. Растаманы набивали трубку мира кайей, в переводе с креольского «коноплёй», и передавали её друг другу. У них покурить – не хулиганство, а ритуал с глубоким религиозным смыслом: травка освобождает сознание и облегчает общение с богом. Если рай существует, то он наверняка очень напоминает эти места.

Петербург

С моей будущей женой Леной я познакомился в Петербурге... Был девяносто второй год. Люди были невероятно открыты и любопытны, как дети. Андеграунд вышел из подполья, и получался удивительный сплав истории с современностью. Можно было показывать любые перформансы, участвовать в безумных выставках на Пушкинской, 10 и в то же время ходить в Эрмитаж. Меня поразило ощущение свободы – можно было говорить и делать всё что угодно. Я тормозил

частников, а останавливалась «Скорая помощь». У Лениной подружки Тани была машинка-инвалидка, двухместная, маленькая, как консервная баночка. Однажды Таня припарковала её на Пушкинской, а когда вернулась, нашла арт-объект – та вся была разрисована. И вот мы поехали кататься на этой инвалидке по Питеру – девушки в машине, а я с другом на крыше. И тут нас остановили гаишники. Лена стала объяснять, что туристы из Швейцарии, что она проводит экскурсию по культурной столице России. Гаишники спросили: «А в Швейцарии тоже на крыше ездят?» И я убедительно закивал головой: «Да-да!» Мы все помялись, и нас отпустили.

Транссибирская магистраль

По Транссибирской магистрали в девяносто третьем я отправлялся из Москвы в Улан-Батор. С моим попутчиком в купе первого класса, настоящим мафиози-узбеком, я выпивал, так что он со мной откровенничал: он вёз три миллиона рублей дяде в Иркутск. И у него было с собой оружие. Из купе мы выходили по очереди: один из нас должен был охранять сумку. По утрам я не мог подняться с кушетки – когда узбек просыпался, он для разминки тренировался нунчаками. В другом купе ехал монгол, он совсем не спал, а только пил не просыхая и жутко дебоширил – бегал по поезду с вилкой и всем угрожал. Весь вагон пришёл просить меня, чтобы я дал ему по морде. Во-первых, я большой, а ехали в основном низкорослые монголы. Во-вторых – иностранец, и они думали, что меня не накажут. Я сбил его одним ударом, сломав нос и палец. И тогда сразу появилась милиция – они только и ждали момента, когда монгола можно будет ссадить с поезда и конфисковать у него два цветных телевизора, которые он вёз в Улан-Батор.

Не было ни мобильного телефона, ни Интернета, ни кредитных карточек, к тому же я не знал языка (общался, переводя слова со словарём), но мне не было страшно. Всё так быстро происходило, что некогда было задуматься.

В Улан-Баторе на вокзале я ждал моего швейцарского друга Патрика, но ему пришлось срочно уехать продавать яйца медведя для китайских лекарств. Меня никто не встретил, и я решил сам найти его дом. На пальце я носил тибетский перстень в виде седла, а в нём – бирюзовый камень. Патрик носил похожую серёжку, так что я подходил к людям и спрашивал, знают ли они человека, у которого серьга, как у меня перстень. Найти его оказалось несложно – он был там одним из немногих европейцев. На монголке Омаре его женил шаман, потому что её первый муж не дал официального развода. Патрик привёз её в Женеву, но швейцарским властям письмо от шамана показалось сомнительным, так что им пришлось

вернуться в Монголию, откупиться от первого мужа сорока баранами и юртой и тогда уже расписаться в обыкновенном загсе.

Возвращение

До Пекина я ехал на поезде, а оттуда неделю плыл по реке Янцзы до Шанхая, где и закончился этот вояж. Карманы были пусты, пора было возвращаться в Женеву, на почту. Меня взяли внештатным сотрудником без униформы. Приходилось носить трофеи последнего вояжа – несносимые монгольские сапоги из чёрной кожи, идеально подходящей для грязи и снега; длинное китайское зелёное пальто, украшенное воротником из овчины; русскую фуражку из искусственного меха.

Мне дали самый красивый маршрут. Водохранилище Вербуа – его склоны заросли старыми деревьями, в них поселились семейства серых цапель. Деревни, в которых годами ничего не меняется, только плещ плотнее застилают стены домов. Замок Шато де Буа – в его окрестностях я всегда находил потрясающие белые грибы. Потом несколько ферм, где меня иногда поджидали свежие яйца, салат и сезонные овощи, а за ними – многоквартирный дом, низенький, старенький. В нём жили пенсионеры, португальцы, работавшие на виноградниках, и несколько многодетных семей. Я привозил им пенсии и пособия; бедными их не назовёшь, но многие из них были очень одиночки. Я рассказывал им, что происходит в деревне, и оказывал небольшие услуги – заполнял бланк на денежный перевод, заменял лампочку, выносил цветочный горшок на балкон. В благодарность мне наливали кофе с граппой, бокал белого или рюмочку вишнёвого ликера.

Но этой эпохе пришёл конец. Появился спутниковый мониторинг GPS, следящий за почтальоном на маршруте. Время жёстко рассчитано: 2,5 секунды на обыкновенное письмо, 1,5 минуты на заказное, 45 секунд на посылку. Чтобы не попасть в чёрные списки из-за чашечки кофе, выпитой у клиента, на сканере надо нажимать кнопку «остановка на маршруте». Почтальон больше не приносит радость: он развозит банковские выписки и рекламу, любовная переписка и поздравления ушли в гаджеты. Почтальон – умирающая профессия. После тридцати семи лет службы меня и многих моих коллег уволили.

И тогда я написал книгу о своей работе. Её перевели на язык Брайля для слепых, готовится перевод на русский, а молодой бельгийский режиссёр собирается снимать по ней фильм. Когда её издали, обо мне много писали, я выступал на радио, но дирекция почтовой службы отказалась дать какие-либо комментарии. Одна почтальонша купила книгу, и теперь она тайно даёт её читать всем женевским почтальонам. Я для них – революционер. ☺